

Потанин Виктор Фёдорович

Виктор Фёдорович Потанин родился в 1937 году в Притобольном районе Курганской области.

Автор более 50 книг. Творчество Виктора Фёдоровича неразрывно связано с судьбой курганской земли и народа, живущего на ней. Герои его повестей, рассказов, очерков – земляки – зауральцы. В их образах отражена любовь к малой родине, сельской природе, удивительная любовь к человеку, самому простому, обыкновенному, незаметному, сочувствующему, открытому – одним словом, хорошему.

Его произведения проникнуты добром, которое рождает в ответ желание сделать мир вокруг чистым и светлым. Только добрым и внимательным отношением можно воспитать хорошего человека.

Виктор Фёдорович Потанин – Почётный гражданин города Кургана. Его именем названа одна из библиотек города Кургана.

Иван Иванович

По улице вышагивает Иван Иванович в новеньких кирзовых сапогах, в пыжиковой отцовской шапке, с авоськой в руках. Три недели пролежал он в кори. Теперь поправился. Вчера отпустили играть в ограду, а сегодня отпросился у отца в магазин.

В голове у Ивана Ивановича немножко кружится, глазам больно от солнышка, и он идёт, не спеша, вразвалочку, поёт: «Ту – ру – ру – ру – ру, тра – ра – ра».

Сзади катится Снежок. Хвост – обрубьш, уши стоят. Снежку тоже весело, беспокойно. На дороге всё ему ново, дразнящее, он принюхивается, часто приседает на задние лапы и скребёт за ушами. Потом срывается с места, визгливо лает, кидается в подворотни.

Иван Иванович любовно следит за ним, щурится, хлопает прутиком по новеньким сапогам и думает, что Снежок – самый красивый из всех собак и через год вырастет он с волка.

И Ивану Ивановичу, и щенку весело, потому что бегут ручьи, а на улице тепло, солнечно и на тополях расселись скворцы и поют. А на реке шевелятся льдины, и идёт оттуда неясный гул, точно из – под земли, а небо синее, высокое, и на самой вышине кувыркаются голуби. И на ногах у Ивана Ивановича новые сапоги с медными подковами, гусиным салом пропитаны, и ни у кого таких сапог больше нет.

Снежок катится вперёд, потом останавливается, нюхает воздух. Щенку жарко. Шуба на нём тёплая, для зимы в самый раз, а летом придётся его купать, да и на рыбалку надо будет водить.

Иван Иванович удивился: ведь совсем уже скоро они с отцом станут рыбачить. Уедут на мотоцикле, далеко на луга и там, у реки, разведут костёр. И отец будет до утра рассказывать про свою жизнь, а костёр у них разгорится огромный, весёлый. И ночь будет тёмная, а им не страшно. Далеко в степи звёзды падают, а отец лежит у костра и вспоминает войну. Да и как забудешь эту войну, если она сделала его сиротой. Вся семья погибла в Ленинграде, в блокаду – и отец, и мать, и сестрёнка. А его самого увезли в Сибирь, в детский дом. Там и школу закончил, там и остался жить...

Раздумался Иван Иванович, чуть лошадь его не сшибла. Оглянулся. Прасковья Новикова, доярка, сама на флягах сидит, а кнутик в колени упал.

– Куда отправился, Иван Иванович? Ох, ты, тоска моя. – Она круто спрыгивает с саней, целует его, забыв обо всём на свете. Детей у Прасковьи нет. И она глядит на Ивана Ивановича, на его кирзовые сапожки не по ноге, на его ладони, покрасневшие на ветру, и чуть не плачет – ей бы такого Ивана Ивановича. Она стягивает с себя вязаный шарф, наматывает ему на шею:

– Гляди, не простынь.

Потом опять забирается на фляги, со всей мочи греет кнутом лошадёнку. Та пускается вскачь, а Снежок залиvistо лает вслед.

Улица выходит к реке. На обрыве сидят рядышком мужики. Под себя газеты постелили, курят, смеются, о чём – то весёлом беседуют. Ребятишки – повыше, на бугре табунятся. И всё глазами на мост уставились.

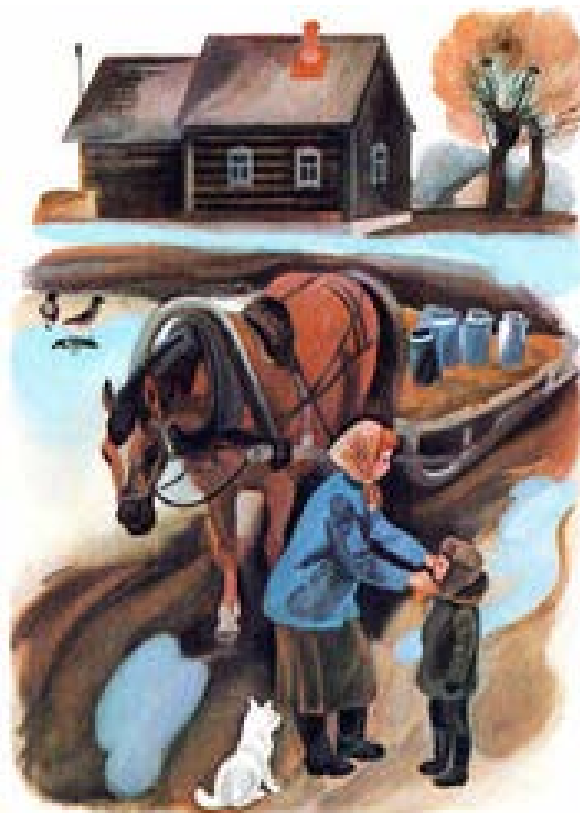
А по мосту бежит человек. Вдруг он перемахивает через перила, обняв сваю, катится по ней прямо на лёд. Ребятишки на бугре прямо охают.

А человек колдует что – то возле проруби. Потом бежит к берегу, как козёл, скачет через полыньи. Даже шапку роняет – не оглядывается. И вот уж человек потный, весёлый, подбегает к мужикам – просит закурить.

Иван Иванович узнает дорожника Дмитрия Цыпляева. Каждую весну он привозит из города мешочки с динамитом и подрывает лёд возле моста, чтобы льдины не срезали сваи, когда вода лёд подопрёт.

Цыпляев жадно курит, потом замирает и настораживается. Лицо у него каменеет, ребятишки шеи тянут вперёд, ждут какого – то ужаса. И вдруг страшный грохот закладывает уши. Снежок тычется мордой в ноги. Глазам не разомкнуться – страшно. В горле – сухо и горячо. Но скоро всё проходит, глаза опять открываются.

Высоко в небе стоит фонтан брызг из ледяного крошева. В десяти метрах от обрыва валяются льдинки и сразу тают.

Мужики снова смеются:

– Ну, Митрий, проштрафил шапку... Лёд пошёл.

Цыпляев машет рукой, косится на Ивана Ивановича:

– Гляди – ка, Иван Иванович тут! На своих ножках притопал! Выздоровел уже?

– Ещё вчера! – отвечает громко Иван Иванович.

Подошёл какой – то проезжий человек в синем плаще, в серой шляпе. И ему объясняют, что Иван Иванович – председателя колхоза сынок, что он долго болел, даже без памяти был, а теперь вот опять на своих ножках притопал. И ещё говорят, что Иван Иванович ни шагу от отца не отстаёт, сидит с ним на заседаниях правления, по полям везде ездит. Пятый год уже отец председателем, уважает его народ. А сам – то отец – коренной ленинградский. В Сибирь его война пригнала.

– Ленинградцы – они везде ленинградцы. Я там тоже недалеко воевал. Так что мы с твоим отцом – землячки. – И приезжий пристально посмотрел на Ивана Ивановича. Потом развязал свою сумку, достал весёлую игрушку – трещотку и подмигнул мужикам.

Трещотка затрещала, Снежок залаял, в глазах у Ивана Ивановича – удивление: вот ведь что бывает.

– Возьми, Иван Иванович. Племяннику вёз такое добро. Бери ты, бери, мужичок.

– Бери, бери! – зашумел народ.

Взял трещотку Иван Иванович, осмотрел незнакомого с ног до головы. Засмеялся тот, прямо как отец. Запомнил его навсегда Иван Иванович.

Дальше отправился. Тра – та – та – та – та, тру – туру – ру – ру – ру... В руках трещотка, сзади Снежок трусит. Устал, наверно, жарко ему. Всё – таки придётся его летом купать...

Пройдёт лето, он пойдёт в школу, научится читать, прочитает все книжки на свете и узнает, какие везде люди живут, какие звери на свете водятся. Потом на лётчика выучится. Будет на самолёте выше всех летать.

Задумался опять Иван Иванович. Сзади ребятишки набежали. Так орут, что прямо напугали. В клетке какую – то птичку тащат.

– Привет, Иван Иванович! У нас что – то есть!

– Покажите.

– На...

Взял в руки клетку. Птичка нахохлилась: грудка красная, а спинка чёрная.

– Ребята, это снегирь! – радуется Иван Иванович.

Но те его плохо слушают:

– А, ты уже выздоровел?

Не разговаривает он. Хочет до птички дотянуться, не может оторвать глаз от неё. Потянули клетку из рук – чуть не в слёзы.

Переглянулись ребята:

– Ты всё болеешь, Иван Иванович? Приходи к нам в школу – живую лису покажем.

Потом они бегут дальше, а клетка остаётся. Через секунду ребята оглядываются, и кто – то кричит на ходу:

– Бери, бери, только корми, как следует...

Но Иван Иванович молчит. Растерялся. А щенок стоит рядом и лижет снег.

Потом оба бредут дальше и даже не смотрят по сторонам. В руках у Ивана Ивановича клетка со снегирём, а в кармане трещотка. И жарко ему в двух шерстяных шарфах. Щенок тоже еле тащится, языком своим подметает снег.

Далеко в степи скачут стреноженные кони. Далеко по тракту гудят машины. За спиной охает новый взрыв. Чей – то петух взлетает прямо на Снежка. Щенок устал – и не заметил петуха. В небе всё ещё кружат голуби, солнце за лес падает.

Вот и магазин. Снежок тоже зашёл. В магазине пусто, одна тётя Аня у весов в белом халате.

– Какие гости– то к нам пришли! ... Как здоровье, Иван Иванович? Обхитрил кровать?

– Совсем выздоровел, тётя Аня. Конфет надо сейчас.

– На, поправляйся, да не более больше, – она суёт ему в карман три горсти конфет в синих и жёлтых бумажках, не берёт денег:

– От меня гостинцы. Заплачу потом за тебя.

Она даёт ему конфеты и думает, что вот и снова весна пришла, а весной– то всё хорошее у людей и начинается. А она, наверное, очень счастливая, потому что у неё всё в жизни хорошо. И она опять суёт конфеты в карман Ивану Ивановичу.

Тот стесняется – стыдно же, столько много дают. Снежок задремал у печки. Он будит его, забирает клетку со снегирём, складывает конфеты в карман, прощается:

– Я ещё приду, тётя Аня. Вот съем и приду.

– Приходи, да не более больше. Шарфами – то лучше подвязывайся. Ишь, два недели, видно, ты ещё не того.

На улице стало прохладно. Лошадей в степи не видно, взрывов больше не слышно, скворцы в скворечнике запрятались. Кончается день. Ручьи подстывать стали.

Снежок ожил, носится по чужим огородам, всё время впереди катится.

– Туру – ру – ру – ру –ру. Трам – там – там – там... – поёт Иван Иванович, думает, что вырастет большой – тоже будет людям всё дарить и любить всех.